

LITERATURE OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литературы народов мира

Научная статья

УДК 81'255.2(595)«16»+82-31(=030.621=161.1)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-676-698>

Переводы

Рассказ о странствии с Иблисом йеменского шейха
Абдуллаха в малайской «Повести о Меронге
Махавангсе»

Любовь Витальевна Горяева

(Перевод с малайского, комментарий и предисловие)

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>

Аннотация. Рассказ об обращении в ислам занимает важное место в сюжетах целого ряда малайских хроник. В «Повести о Меронге Махавангсе» (Кедахских родословиях) этот эпизод представляет собой отдельный сюжет, своего рода обрамленную повесть, где действует шейх Абдуллах, прибывший из Йемена, а также его спутник и антагонист, предводитель нечистой силы. Перед глазами шейха разворачивается целый ряд эпизодов, где враг рода человеческого демонстрирует свою власть над человеком и приемы его совращения с пути истинного. Кульминация этого сюжета – бунт шейха, не желающего более видеть, как нечистый измывается над людьми, и обращение в ислам правителя Кедаха и всех его подданных. Рамочная история путешествия шейха Абдуллаха с Иблисом и включение в повествование реально существовавших персонажей – нескольких поколений правителей Кедаха и шейха Нуруддина ар-Ранири, гуджаратского философа и писателя – позволяет датировать повесть серединой XVII в.

Ключевые слова: малайская литература, хроники, принятие ислама, иблис, шейх Абдуллах, Нуруддин ар-Ранири, Аче, генеалогия правителей Кедаха

Для цитирования: Горяева Л. В. Рассказ о странствии с Иблисом йеменского шейха Абдуллаха в малайской «Повести о Меронге Махавангсе» (Перевод с малайского, комментарий и предисловие). *Ориенталистика*. 2022;5(3):676-698. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-676-698>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The story of the journey with Iblis of the Yemeni Sheikh Abdullah in the Malay "Tale of Merong Mahavangsa"

Lubov V. Goriaeva

(Translation from Malay into Russian, comments and introduction)

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>*

Abstract. The narration about the embracing of the Islamic Creed by non-Muslims is often an essential episode in many Malay chronicles. In the «Tale of Merong Mahavangsa» (Chronicles of the Kedah kingdom), this is a separate episode. This is a kind of "framed story", with *dramatis personae* such as Sheikh Abdullah Yemeni and his fellow traveller and antagonist Iblis, the chief of evil spirits. Before the Sheikh's eyes, unfolds a series of episodes where the "enemy of mankind" demonstrates its power over man as well as his methods of seducing people from the true path. The climax of this plot is the rebellion of the sheikh, who no longer wants to see the devil tormenting his people, as well as the conversion to Islam of the Kedah ruler and all his subjects. The frame story of Sheikh Abdullah's journey with Iblis and the mention of real existing characters: several generations of rulers of Kedah and Sheikh Nuruddin al-Raniri, Gujarati philosopher and writer, allows to date it to the mid-17th century.

Keywords: Malay literature, chronicles, conversion to Islam, Iblis, Sheikh Abdullah, Nuruddin al-Raniri, Aceh, genealogy of the rulers of Kedah

For citation: Goriaeva L. V. The story of the journey with Iblis of the Yemeni Sheikh Abdullah in the Malay "Tale of Merong Mahavangsa" (Translation from Malay into Russian, comments and introduction). *Orientalistica*. 2022;5(3):676-698. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-676-698> (In Russ.)

Предисловие к переводу

Едва ли не главный жанр малайской нарративной прозы доколониальной и раннеколониальной эпохи составляют беллетризованные хроники (XV–XIX вв.). Один из обязательных эпизодов большинства этих сочинений – история принятия ислама тем или иным княжеством островной Юго-Восточной Азии. Мусульманская идентичность легитимировала статус их правителей и государства в целом, маркировала принадлежность княжества великому общему целому – исламскому сообществу. В этих условиях история обращения правителя в ислам выступает поворотным элементом сюжета, а порой и венчает его, как некий happy end.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Легенды об исламизации некоторых малайских государств уже рассматривались нами ранее на материале таких сочинений, как «Повесть о раджах Пасея», «Малайские родословия» и «Повесть о Патани» [1, с. 164–174]. Особое место в этом ряду занимает аналогичный эпизод из «Повести о Меронге Махавангсе» (Hikayat Merong Mahawangsa), именуемой также «Кедахские родословия» (Salasilah Negeri Kedah Dar al-Aman¹) [2]. По содержанию само это сочинение крайне неоднородно и едва ли может именоваться хрониками в полном смысле слова. В нем встречаются как эпизоды и мотивы, присущие мифологизированной «истории» других малайских княжеств, так и сюжеты, обнаруживающие параллели в литературе более отдаленных регионов. К числу последних относится и рассказ о путешествии с Иблисом (дьяволом) одного из персонажей «Повести» – йеменского шейха Абдуллаха.

Впервые сокращенный перевод этого отрывка текста «Повести...» был опубликован В. И. Брагинским в книге «Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых» [3 с. 302–311], однако за рамками перевода оказались два важных эпизода – о радже Камиштуре-идолопоклоннике и о принятии ислама правителем Кедаха. Исследователь рассматривает этот рассказ как развернутую преамбулу к истории обращения Кедаха в ислам и обнаруживает в нем структурное сходство с коранической легендой о путешествии пророка Мусы с Хизром (сура 18, «Пещера») и с иранским преданием о встречах странствующего Хатема Тайского со Смертью [4, с. 463]. Сквозная тема этих сюжетов – противостояние добра и зла, развенчание происков дьявола в разных житейских ситуациях. Еще один пример из персидской литературы – диалог Муавии с Иблисом в «Поэме о скрытом смысле» Джалал ад-Дина Руми [5, с. 153–163], где Муавия выступает суровым обвинителем Иблиса, а тот поверяет собеседнику секреты своих каверз.

В малайской письменной традиции вопросы добра и зла, мусульманской этики и норм социального поведения рассматриваются в таких фундаментальных трудах 1-й половины XVII в., как «Корона царей» Бухари ал-Джаухари [6] и семитомный «Сад царей» Нуруддина ар-Ранири, и поныне опубликованный не полностью [7, с. 39–40], однако сюжетных историй, где Иблис выступает действующим лицом, в них не встречается. Среди малайских дидактических сочинений в жанре катехизиса особое место занимает «Повесть об Иблисе» [8]. В ней собеседником врага рода человеческого выступает пророк Мухаммад, задающий Иблису ряд вопросов. Из ответов последнего явствует, на каких слабостях людей играет дьявол, толкающий их на путь греха.

Общая черта названных выше текстов – полное или частичное отсутствие сквозной линии действия, динамического развития событий. Напротив, история о путешествии йеменского шейха Абдуллаха с Иблисом в «Повести о Меронге Махавангсе» представляет собой цепочку поучительных сюжетов, образующих в совокупности обрамленную повесть. Четырнадцать рассказов о совращении людей с пути истинного или поощрении дьяволом уже имеющих пороков завершаются финальной историей – глумлением Иблиса над правителем Кедаха, пьяницей Раджой Пхра Онг Махавангсой, и бунтом шейха Абдуллаха, не желающего более быть свидетелем бесчинств своего спутника.

¹ Выражение Dar al-Aman («Обитель мира») указывает на то, что речь идет о государстве, где исповедуется ислам.

Венцом обрамленной повести становится ее заключительный эпизод – обращение в ислам всех жителей Кедаха, от раджи до последнего его подданного.

Среди персонажей внутренних историй рассказа о путешествии с Иблисом встречаются как «неверные», так и мусульмане – например, ученики коранической школы в некоем малайском селении. И те и другие в равной мере становятся жайтвами происков Иблиса. Немаловажно и то, что персонажи первых по порядку историй безымянны: это «некий купец», «нищие», «грабители», «судья», «отшельник» и т. п.

Сами по себе эти сюжетные эпизоды лишены в целом каких-либо «региональных» привязок. Однако, по мере приближения к концу рассказа об Иблисе действующие лица вставных историй получают имена, уточняется географическое положение и названия их стран, и в целом повествование обретает более «малайский» облик. Упомянем, в частности, поощряемые Иблисом «пороки» местных жителей – посещение представлений традиционного театра *ваян*, буйволиные бои. Наиболее ярко это проявилось в двух последних внутренних историях, прежде всего в той, где действует некий Раджа Камиштур.

Важнейшая деталь этого сюжета – поклонение жителей страны глиняному идолу (по всей вероятности, изображению Будды). Княжество Раджи Камиштур по многим деталям напоминает одно из малых государств Малаккского полуострова доисламской эпохи, а сцены битвы здесь строго выдержаны в стилистике малайского эпического нарратива, типичного также и для беллетризованных хроник Нусантары. Имена ряда действующих лиц содержат малайские компоненты. Сюжет о Радже Камиштуре – самая пространная из входящих сюда внутренних историй: он составляет более четверти объема всего рассказа об Иблисе.

Последняя внутренняя история рисует вполне реалистическую картину соперничества за приоритет в морской торговле у побережья некоего прибрежного княжества. Злодеем, которого Иблис сбивает с пути истинного, выступает судовладелец Раджа Перингги Дева Молек. Его имя Перингги «португалец» позволяет увидеть в этой истории отголосок конфликта между европейцами и местными заправилами-купцами, которым в результате удается вытеснить пришельца из своей зоны влияния. Любопытно, что «португалец» именуется здесь «раджой», как и его соперники, что также придает истории своеобразную эпическую окраску.

Нельзя не остановиться, наконец, на появлении в сюжете «Повести о Меронге Махавангсе» такого реального персонажа, как упомянутый выше автор, шейх Нуруддин ар-Ранири (ум. в 1658 г.). Видный исламский богослов и мистик, уроженец Гуджарата, потомок хадрамаутских арабов-курейшитов, он в течение нескольких лет трудился при дворе правителей северосуматранского султаната Аче – Искандара Тани, а позднее – его вдовы, султанши Тадж ул-Алам, и оставил после себя целый ряд трудов на малайском и арабском языках [4, с. 645–648].

Имя Нуруддина как просветителя и проповедника ислама среди малайцев впервые упомянуто в самом начале сюжета о путешествии с Иблисом, оно же и венчает эту историю. Согласно «Повести о Меронге Махавангсе», когда весть об обращении Кедаха в ислам доходит до Аче, Нуруддин советует

султану послать в Кедах принадлежащие его перу сочинения: «Путь праведных» (*Сират ал-мустаким*) и «Глава о браке» (*Баб ал-никах*)².

Как явствует из ряда документальных источников и, в частности, из текста книги самого Нуруддина ар-Ранири «Неоспоримая победа над безбожниками» (*Ал-Фатх ал-Мубин ‘ала ал-Мулхидин*), написанной в 1657 г., их автор приобрел в малайском мире немало последователей-единоверцев и, уже покинув Нусантару, послал им эту книгу с общим посвящением: «Моим собратьям, проживающим в Аче, Кедахе, Бантене, Макассаре, Джохоре, Паханге, Патани, Синггоре³ и всех подветренных странах⁴» [6, с. 113–114].

Известно, что Кедах принял ислам еще в 1474 г., т.е. почти за два столетия до Нуруддина [8, с. 156], поэтому, вопреки сказанному в нашей «Повести...», первый из мусульманских правителей Кедаха (султан Музалфал-Шах) никак не мог находиться в переписке с ар-Ранири и его патроном. В середине XVII в. на престоле Кедаха находился уже восьмой раджа-мусульманин, Мухийуддин-Шах (пр. 1651–1661) [9, с. 187], с которым Нуруддин, уехавший на родину девятью годами ранее, едва ли мог быть лично знаком. Это, однако, не означает, что рассказ об отправке книг в Кедах, изложенный в «Повести о Меронге Махавангсе», полностью вымышлен: реальная история с посвящением книги «Неоспоримая победа над безбожниками» доказывает обратное.

Вопросы датировки как «Повести...» в целом, так и отдельных составляющих ее сюжета требует дальнейшего, более подробного анализа. В самом ее начале автор, по традиции говорящий о себе в третьем лице, сообщает, что написана она по заказу султана Муаззам-Шаха, сына первого мусульманского правителя Кедаха – султана Музалфал-Шаха. Это позволяет датировать большую часть текста рубежом XV–XVI вв.

Рамочный сюжет, открываемый упоминанием Нуруддина ар-Ранири и завершаемый эпизодом с посылкой его книг в Кедах, относится, по всей вероятности, к середине XVII в., эпохе вассальной зависимости Кедаха от Аче и времени пребывания Нуруддина в Нусантаре (1637–1644/5). Это внешняя рамка, внутри которой включена следующая, несомненно, более ранняя, – собственно рассказ о путешествии с Иблисом, аналогов или прототипа которого пока обнаружить не удалось. Дальнейшее изучение истории текста «Повести о Меронге Махавангсе» позволит, по нашему мнению, составить представление обо всем спектре устных и письменных нарративных источников, легших в основу памятника, и о «культурных слоях», определивших его неповторимый облик.

Перевод

Расскажем теперь, что случилось в Багдаде спустя пять лет после того, как пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, скончался в Медине. Спустя пять лет после его кончины в Медине, в Багдаде уже

² «Глава о браке» здесь упомянута отдельно, хотя она представляет собой один из разделов упомянутого ранее «Пути праведных».

³ Совр. Сонгхла (Таиланд).

⁴ Подветренные страны (*negeri yang di bawah angin*) – Малайский архипелаг.

было немало святых людей, блюдущих закон пророка Мухаммада⁵. В ту пору один из них, шейх Нуруддин⁶, отправился из Мекки в малайскую страну Аче, взяв с собой книги, где были изложены законы ислама.

А в Багдаде в то время жил человек по имени шейх Абдуллах Багдадский – святой, чьи молитвы не оставались без ответа, и учеников у него были целые сотни. Шейх уже достиг преклонных лет и целиком посвятил себя молитве, обращенной к Аллаху, преславлен Он, Всевышний, и обучению других закону Пророка по великой священной книге Фуркан⁷, именуемой Кораном, пред которой трепещут все шайтаны и иблисы⁸, и указывающей верный путь, которым ислам ведет людей в будущее. Истины Корана подтверждаются в сотнях книг и в наставлениях, оставленных Пророком Аллаха Мухаммадом своему народу. Прежние пророки посрамлены святостью Корана, магия и чудеса прошлого меркнут перед божественным знанием⁹. Из тех существ, что летают по воздуху, ползают по земле или плавают в море, никто не владеет колдовской наукой, и никому ею не овладеть помимо воли последнего из пророков. Все чары и волшебства, творимые некогда идолопоклонниками, теперь утратили свою силу. Прежние суеверия, такие как почитание говорящих или молчащих истуканов, сравнимы с поклонением деревьям, солнцу, животным, тем четвероногим, что ходят по земле, и с утверждением, что в их лице мы поклоняемся Господу всего сущего.

[...] Жил да был тогда некий йеменец, шейх Абдуллах. Он прибыл из Мекки в Багдад к старому шейху Абдуллаху, дабы изучать с его помощью книги по фикху (*хорошо бы тут сделать сноску*), сочинения суфиев, толкования Корана. Старый шейх Абдуллах знал наизусть все тридцать джузов Корана и непрерывно его декламировал, прерываясь лишь на время сна, еды или отправления естественной надобности. Выучив Коран наизусть, он обратился к толкованиям. Случалось ему иметь дело и с иблисами, которые обычно чинили препятствия тем, кто изучал толкования Корана, и мешали освоению этих наук и тайств ученых мужами.

Как-то шейх Абдуллах-Йеменец явился к своему наставнику, старому шейху Абдуллаху, и сказал: «Дозволь мне, господин, встретиться с предводителем шайтанов и иблисов. Я хотел бы разобраться, каковы приемы колдовства, которыми они воздействуют на людей, и прошу на то твоего разрешения».

⁵ Ошибка автора/переписчика: Багдад был основан более чем веком позже, в 762 г.

⁶ Мусульманский богослов Шейх Нуруддин ар-Ранири (ум. 1658), работал при дворе султанов Аче в 1637-1644 гг.

⁷ Ал-Фуркан (араб. الفرقان – Различение). 25-я сура Корана, где, в частности, говорится о способности различения добра и зла (Фуркан), дарованной Аллахом человеку.

⁸ Иблис (от греч. διάβολος, клеветник, диавол) – одно из наименований злых духов в исламе. Далее речь идет как о главном из них, чье имя пишется с заглавной буквы, так и о его приспешниках.

⁹ Ал-'илм ал-ладуни («мистическое, Божественное знание») – устойчивое понятие, разработанное и закрепившееся в исламском мистицизме.

Выслушав ученика, старый шейх Абдуллах рассмеялся и молвил: «Нельзя тебе встречаться с главой шайтанов и иблисов¹⁰: ты утратишь все, чего достиг, и встанешь на неверный путь». Поклонился учителю шейх Абдуллах: «И тем не менее позволь мне увидеть все, что они творят. (*«Все» два раза подряд нехорошо выглядит.*) Мне необходимо это знать».

Молвил учитель: «Что ж, тогда отправляйся на поле, под большое дерево, в полном облачении. В полдень, когда все затихнет, по воле Аллаха в человеческом облике явится тот, кого называют предводителем шайтанов и иблисов, и ты сможешь задать ему любые вопросы».

Распрощавшись с учителем, шейх Абдуллах совершил трапезу, оделся как подобает, взял с собой воды для омовения и направил стопы к большому дереву. Усевшись под его сенью, он начал декламировать аяты из Корана. А старый шейх Абдуллах по уходе ученика взял воды для омовения и совершил два ракаата с саялом¹¹. Воздев руки, он обратил свою молитву к Аллаху, преславен Он, Всевышний, прося о встрече ученика, ожидающего под большим деревом, с шайтаном-иблисом, и затем повторил просьбу.

А шейх Абдуллах-Йеменец сидел под деревом до полудня, вполголоса читая Коран. Ждал он долго, не прекращая чтения. Слышит: кто-то подошел и больно ударил его по правой щеке. Оглянувшись вокруг, но не увидел никого, кто мог бы нанести удар. Стал он тереть щеку, чтобы заглушить боль, не прекращая чтение Корана, как вдруг ощутил сильный удар по левой щеке. Огляделся испуганно, но опять не увидел никого, кто бы мог это сделать. Вскочив на ноги, он поспешил обратиться восвояси, убежденный, что еще один такой шлепок будет стоить ему жизни.

Когда он явился к учителю, тот спросил его: «Что же получается: ты не встретился с тем, кого хотел увидеть?» Говорит шейх Абдуллах: «И не встретился, и встретился: заработал такие оплеухи, что едва без зубов не остался». Спрашивает учитель: «А чем ты был занят, когда там сидел?» Отвечает шейх Абдуллах: «Ничем особенным. Сидел и читал стихи из Корана». Говорит учитель: «Хоть и невидим он, но чтения Корана не переносит и трепещет».

Говорит шейх Абдуллах: «А я и не ведал, что он трепещет перед Кораном и не терпит, когда его читают вслух. И читал-то я негромко». Молвил учитель: «Пусть и негромко мы читаем, а он все слышит и бежит от нас». Сказал тут шейх Абдуллах: «Коли так, завтра я отправлюсь туда и буду молчать, слова не пророню». И ушел к себе ночевать.

Назавтра, испросив разрешения учителя, вернулся он к тому дереву. Учитель, как и накануне, вознес молитву, а сам шейх Абдуллах сидел до полудня, не говоря ни слова, в полной тишине.

Явился тут какой-то шейх с бородой до пояса, рослый, в зеленом тюрбанае и зеленой джуббе¹², с посохом в руке, весьма внушительного и устрашающего вида. Подойдя, он приветствовал шейха Абдуллаха. Тот ответил на

¹⁰ Этот персонаж именуется здесь и далее «предводителем шайтанов», также – «предводителем иблисов», оба наименования чередуются. Иногда в повествовании он назван просто Иблисом, и в переводе это слово пишется с заглавной буквы.

¹¹ Ракáат (араб. ركعة) – порядок слов и действий, составляющих мусульманскую молитву. Саялам (سلام) – приветствие верующих после молитвы.

¹² длинная верхняя одежда с рукавами.

приветствие и спросил: «Кто ты такой?» Отвечает тот: «Разве ты не искал встречи со мной?» Спрашивает шейх Абдуллах: «Так ты – предводитель шайтанов и иблисов?» Говорит тот: «Да, я главный над шайтанами и иблисами. А чего тебе от меня нужно?»

Отвечает шейх Абдуллах: «Хочу кое-чему у тебя поучиться». [Говорит тот:] «С чего тебе вздумалось учиться у меня? Ведь все, что тебе не по душе, я творю ежедневно. Моя наука пойдет тебе лишь во вред. У меня совсем иной нрав, как и у отпрысков моих – их по миру не счесть».

Говорит шейх Абдуллах: «И всё же стань моим учителем. Обещаю прилежно следовать всем твоим наставлениям, ведь без этого разве можно чему-то научиться?»

Молвил предводитель иблисов: «Коли таково твое желание, вот тебе мой посох, и пойдем». Шейх Абдуллах взял посох из рук предводителя иблисов и последовал за ним, причем оба стали невидимы. Путешествие, на которое потребовался бы месяц, показалось одним мгновением. В те часы, когда для всех смертных наступала ночь, для них по-прежнему сиял день.

Наконец прибыли они в большое селение, где обреталось множество отпрысков предводителя шайтанов. А в это время между тамошними старшинами начались раздоры из-за дележа земельных участков, а их дети и внуки разделились на два равных по численности отряда. Предводитель шайтанов велел своим отпрыскам окружить их кольцом и прочел заклинание, побуждающее к бою. Принялись тут все они биться с громкими криками и невероятным грохотом, а иные даже пили кровь врага. Под конец все мужины двух воюющих сторон были убиты.

Тогда дочерям и женам обеих сражавшихся сторон было приказано отомстить за мужей и братьев. Началась яростная схватка между женщинами, ставшая смертельной для многих. Однако они рубились, не ведая страха и не помня себя, ибо колдовство помутило их разум. Наконец все до одной пали мертвыми, их тела остались лежать на земле, а само селение окончательно обезлюдело.

Двинулся тут предводитель иблисов в новое место, где также жило его потомство, и явился на рынок, где шла торговля всяческими товарами и съестным. Пришел он к месту, где было сыро от мочи и испражнений, и созвал туда своих детей и внуков. Затем предводитель иблисов и Шейх заметили некую красавицу, и первый сказал: «Почитаю-ка я свою книгу!»¹³

Подойдя поближе, предводитель иблисов обнажил ей грудь и подтолкнул к ней одного из юношей. Начались шутки и разговоры, но тут явился ее муж, разгневался и бросился на молодого человека. Приказал тогда [предводитель иблисов] своему потомству подговорить обоих обнажить клинки, и под конец те пали мертвыми.

Пошли дальше, и предводитель иблисов объявил: «Сейчас я преподам тебе небольшой урок»¹⁴. Направился он к толпе людей, поглощенных игрой в кости. Того, кто постоянно проигрывал, он заставлял закладывать или ста-

¹³ *Vasa kitab*. Словом *kitab* обычно обозначаются книги богословского или назидательного характера, и говорящий употребляет его в ироническом смысле.

¹⁴ Здесь, как и в предыдущем случае, предводитель иблисов употребляет слово «преподать урок» (*menajji*), обычно относящееся к урокам по чтению Корана.

вить на кон всю свою одежду и имущество, чтобы продолжить игру. Проигравший был вне себя: он потерял все и скорее был готов умереть, чем жить так. Домой он не мог пойти, потому что проиграл имущество жены и детей, а Иблис подстрекал его брать в долг у других. Наконец тот выхватил у кого-то крис из рук и нанес ему удар, а следом и все прочие игроки обнажили клинки друг против друга.

Преподав этот «урок», предводитель иблисов удалился из тех мест и появился в лавке у некоего купца, успешного в торговых делах. В его заведение приезжало множество торговцев из других краев со своими товарами. Были у него весы, большие и поменьше, с мерными чашками, большими и малыми. Продавая [товар], купец пользовался малой мерной чашкой, а покупая его – большими чашками и большими весами.

Когда местный торговец прознал, как тот торгует и каковы его приемы, предводитель шайтанов подучил его не позволять купцу пользоваться малыми чашками. Едва услышал это купец, как предводитель иблисов стал подстрекать и его с помощью волшебного заклинания, неведомого никому из смертных. Принялся тут купец браниться последними словами. Разъярился торговец, выхватил крис, пронзил грудь купца, и тот испустил дух. А у купца были и дети, и внуки, они обнажили оружие и бросились на торговца, но у того тоже было немало друзей. Началась драка, люди пустили в ход клинки. Иные пали мертвыми, и их уносили по домам. Самому купцу рассекли голову, и рана оказалась смертельной. Тело купца предали земле, а из могилы донесся голос, повторявший без остановки: «Малая мера, большая мера»¹⁵ и не замолкавший семь дней и семь ночей подряд. Так случается с людьми, которых иблис отдал во власть низменных страстей, алчности и жадности до чужого: они становятся его сотоварищами и следом за ним отправляются в ад. Вот какой «урок» преподавал предводитель иблисов этому человеку¹⁶.

Пошли они с шейхом Абдуллахом дальше и оказались в лесу, где скрывались грабители, было их там десять или одиннадцать человек. Уже несколько лет обитали они в лесу и много чего награбили. К тому времени настала пора поделить добычу. Один говорил: «Тебе досталось много», другой: «На мою долю пришлось мало». Началась перепалка. Говорит Иблис: «Устрою-ка я сейчас между ними ссору». И поселил в сердце каждого злые помыслы. Начали они тут биться смертным боем, колоть друг друга как попало. Отпрыски Иблиса испускали громкие крики и хлопали в ладоши, видя, что грабители послушались его, и в конце концов все пали мертвыми.

А предводитель иблисов с шейхом Абдуллахом продолжили путь и прибыли в некий город. Говорит предводитель иблисов шейху Абдуллаху: «Зайду-ка я в мечеть». Отправились они в торговый ряд, где торговали опиумом, и обнаружили там множество игроков в кости и курильщиков опиума; потому-то это место и называлось «мечетью шайтана». Двинулись дальше. Встретились им на пути несколько молодых женщин, и [предводитель иблисов] приказал им совершить греховное. Когда его желание было

¹⁵ Kati cecil, kati besar, gantang kecil, gantang besar. (А перевод точный? Здесь 8 слов, а не 4.)

¹⁶ В оригинале здесь используется слово *hatam, menghataamkan* («завершить обучение чтению Корана»).

исполнено, отпрыски Иблиса возрадовались и захлопали в ладоши, испуская громкие крики.

Шли они дальше и прибыли в селение, где проживал некий жестокий вельможа, министр правителя этой страны¹⁷. Множество людей являлось к нему, жалуясь на то, что у них забирали имущество безо всяких на то оснований, а некоторые жаловались, что их лишали домов и участков земли. Были и такие, что пеняли на людей, взявших внаем их лодки и не желающих вернуть, а другие били челом на тех, кто похищал их служанок и брал себе в жены.

Подойдя поближе, предводитель шайтанов сел поближе к уху кади и нашептал ему нечто. Тогда тот распорядился, чтобы имущество всех жалобщиков отправили в его дом. Предводитель иблисов велел своим отпрыскам забирать все, что было в собственности у детей, жен и слуг, и доставлять в дом кади, даже если владельцами были важные люди.

Тотчас же все это имущество оказалось в доме у кади, алчного до чужого добра. А предводитель шайтанов пошел к владельцам этого имущества, мужчинам и женщинам – как к тем, кто требовал вернуть им вещи, так и к тем, кто не хотел отдавать. Кади не желал выносить приговор тем, кто забирал имущество. Когда пришли те, кто хотел вернуть свою собственность, кади ничего не сказал и удалился в дом для трапезы. Владельцы имущества не ожидали его внезапного исчезновения и решили, что свое добро пора вернуть. Разгневанные, они обнажили клинки, ворвались в дом и убили кади прямо за трапезой. Его дети, внуки и все домашние выступили против нападавших. Началось побоище. Люди министра не смогли броситься на помощь и предотвратить пожар в селении – слишком много народа участвовало в схватке. И останки самого министра, и все тамошние дома были пожраны пламенем и превратились в пепел на ветру. Вот каковы бывают плоды жадности людской.

Предводитель шайтанов и шейх Абдуллах продолжали путь. В дремучем лесу, вдали от людского жилья встретились им пятеро нищих. У каждого за спиной был мешок со съестным. Повстречалось им на пути дерево с золотыми и серебряными цветами и плодами, от основания ствола и до кончиков побегов оно было увешано кольцами, ручными и ножными браслетами, поясами и медальонами. Остановились нищие у дерева, а предводитель шайтанов подобрался к ним поближе.

Говорят нищие: «Разве не золото и серебро искали мы, бродя по миру? А теперь досталось нам столько золота, столько серебра, что и не унести. Как быть?»

Тут предводитель шайтанов силой колдовства заронил в сердца нищих мысль избавиться от всех запасов съестного. И все они, не подумав толком, решили выбросить все свои припасы. Затем они собрали сокровища, что кому понравилось, и сложили себе в мешки, чтобы унести столько, сколько каждому под силу. Но некоторые из них, обернувшись к дереву, заметили, что на нем осталось еще немало желанных для них вещей. Тогда они вернулись, забрали и их и повесили себе на шею. Тут предводитель иблисов наказал своим отпрыскам погубить их, заставив заблудиться. И шайтаны двинулись следом за пятью нищими.

¹⁷ Ниже он именуется «кади», т.е. судья.

Затем предводитель иблисов направил стопы к некому городу и увидел по пути человека, предающегося аскезе во имя постижения науки воинского волшебства и стремящегося стать воителем-богатырем. Тут предводитель шайтанов обернулся шейхом с бородой до пояса, в зеленом тюрбане и джуббе и с плодом граната в руке. Подойдя ближе, он произнес слова приветствия. Тот открыл глаза и ответил на приветствие, а затем спросил: «Кто ты такой?»

Говорит предводитель шайтанов: «Я явился, чтобы исполнить все твои желания. Отведай-ка этого граната». Отшельник тотчас же схватил плод и увидел, что он испускает сияние. Разломив плод, он положил зерна в рот и проглотил. В то же мгновение в глазах у него потемнело, сознание помутилось, и отшельник обезумел, а предводитель шайтанов внезапно исчез, как и гранат, что он держал в руке. Отшельник завопил и стал метаться по лесу, утратив рассудок.

Затем предводитель шайтанов вступил в город и увидел на своем пути медресе, где мальчиков обучали чтению Корана. Подойдя поближе, он наслал на них порчу. Мальчики бросили занятия и побежали играть, а некоторые поспешили домой к родителям. Учитель пришел в ярость, созывал учеников назад, колотил их.

Узнав, что товарищам достались на долю побои, дети разбежались. Учитель приказал, чтобы родители привели к нему сыновей, а когда те явились, принялся бить мальчиков на глазах у отцов и матерей. Родители разгневались на учителя, их перебранка затянулась. Тех мальчиков, что готовы были остаться в школе, учитель послал в лес и велел взять с собой длинные ножи и заняться заготовкой дров. Иных из детей задели падавшие стволы, других придавили. По возвращении домой мальчики рассказали родителям, на какую работу их посылал учитель. Тогда родители забрали детей из его школы и перевели в другую. Вот что натворил предводитель шайтанов.

А некоторых детей иблисы повели к месту увеселений. Родители пришли за ними к учителю, но мальчиков не обнаружили. Направились они тогда в балаган, где идут представления ваянга¹⁸, нашли их там и хотели увести, но дети просили: «Подождите, мы хотим увидеть конец истории про раджу, его супругу, всех богов и духов». Родители позволили и уселись вместе с сыновьями смотреть представление, забыв и про еду, и про все на свете, кроме удовольствия от этого зрелища. Тем временем воры вытащили у них из домов все добро, а те и не ведали, так что наконец учитель самолично отправился на поиски учеников. Вот что сотворили иблисы, и многие до самой кончины так ничему и не выучились. Предводитель шайтанов был доволен и сказал: «Вот эта наука пойдет на пользу всем и приведет их прямо-ком в преисподнюю».

Пошел дальше предводитель шайтанов [вместе с шейхом Абдуллахом] и явился к женщине, которая была в тягости, а прежде не рожала, да и у мужа ее прежде детей не было. Срок ее уже исполнился, и оба мечтали о ребенке. Говорит тут шайтан своему слуге, духу воды: «Обмани-ка эту женщину: расскажи о сосуде с сокровищами, что лежит на дне реки». Тут дух воды изменил облик и превратился в старика-шейха в белой одежде, подошел к изголовью их ложа и произнес: «О муж, отнеси свою жену на реку, где омут, и достань оттуда сосуд. Он полон золота, и ты сможешь взять себе в жены еще одну

¹⁸ Ваянг – традиционный малайский театр.

женщину, куда красивее, чем эта». Но мужчина во сне говорит: «А как мне быть с этой женой? Ведь она вот-вот родит!»

Отвечает старик: «Возьми ее с собой словно бы на рыбную ловлю. Может, этот сосуд и попадет к тебе в сеть – тогда столкни ее в омут, да поживее, а сосуд заberi себе».

Миновало три дня и три ночи, как старик являлся ему во сне, и наконец мужчина не выдержал и привел жену на берег реки, близ омута. Видит он, что и впрямь лежит там сосуд, только вода бурлит вокруг. Сколько он ни бился, а сосуд словно бы ускользал от него, вот-вот он его схватит – и тут сосуд погружается вглубь, а потом появляется снова. Жена следила за сосудом, чуть наклонившись. Мужу словно бы удалось подцепить его сетью, он держал бечеву сети одной рукой, а другой столкнул жену в омут. Расправив сеть, он смог ухватить горлышко сосуда.

Едва сосуд оказался у него в руках, как это заметил один из приближенных тамошнего раджи и сообщил государю. Государь приказал забрать сосуд, а мужчине пришлось промолчать. Так сосуд с сокровищем достался радже, любимая жена погибла, как и вымоленное ими дитя, и даже сеть пропала. Желание не было исполнено, и все это сотворил предводитель иблисов.

Пошел предводитель иблисов в свою мечеть¹⁹, где люди смотрели представление ваянга и тешили нечистых духов²⁰. Все эти люди любили буйволиные бои²¹ и всяческую музыку. Собрались тут тысячи отпрысков Иблиса и сообщили каждому тайное заклинание. Сидевшим подальше они велели сеть поближе, чтобы наблюдать за представлением ваянга или за боем буйволов. Люди стали тесниться, забыв и предписания веры, и заботу о хлебе насущном. Вот что сотворил с ними предводитель шайтанов. Тому, кто идет на поводу у своих желаний, уготована беда.

А те пятеро нищих, что тащили всякое добро и украшения, выйдя из леса, ощутили усталость и голод, а съестного у них не было. Подошли они к какому-то селению и, на имея сил двигаться дальше, мечтали лечь и поспать. Один из пятерых был вынослив и еще мог идти. Говорит он им: «Пойду-ка я на базар, куплю еды и принесу вам».

Каждый вынул из своей котомки немного добра и отдал ему. Тот направился на рынок и купил все необходимое. Явился тут Иблис и пробудил в нем алчность и желание завладеть имуществом товарищей. И подумалось ему: «Не присвоить ли мне все их богатства?»

Купил он тут муки, велел пекарю испечь хлеба, чтобы заедать ими гулей²² из курицы. Из всех хлебов он взял четыре, начинил ядом и отделил от прочих хлебов, а затем принес четверым товарищам. Те с радостью принялись за еду, а после уснули. Проснувшись, они снова стали есть. Под конец весь хлеб у них кончился и остались только те четыре хлеба. Их алчный приятель предложил им доесть оставшиеся хлеба, но они не хотели. Рассердился он, потянулся к хлебу, а за ним и четверо других. Обманщик принялся за еду,

¹⁹ Т.е. то место, где он собирал народ в своих собственных безнравственных целях.

²⁰ Yang menurunkan hantu. У Майера: «где показывались всяческие фокусы».

²¹ Бои буйволов – азартное зрелище, распространенное у народов Юго-Восточной Азии.

²² Гулей – традиционное блюдо народов островной Юго-Восточной Азии: острая приправа к рису из мяса, рыбы, птицы или овощей.

опасаясь разоблачения. Поели все пятеро и пали мертвыми, а все их добро осталось валяться на земле, чтобы достаться кому-то другому. Вот что творит с человеком алчность и корыстолюбие.

А предводитель шайтанов вместе с шейхом Абдуллахом вышел из «мечети» любителей буйволиного боя и пришел в некое селение, в большой дом, где жил купец, у которого было четыре жены и четыре наложницы – все уроженки разных краев. Когда он почивал, все они спали вокруг, поблизости от него. Явился тут к восьми женщинам предводитель шайтанов и принес волшебное снадобье, способное лишить их сожителя мужской силы. Его слова запали им в душу. Посоветовавшись, все восьмеро пришли к единодушному решению, и каждая стала понемногу потчевать этим купца. Вскоре купец утратил мужскую силу и был им больше ненужен. Все его жены, побуждаемые к тому шайтаном, предались распутству с другими мужчинами.

Погубив восьмерых женщин, предводитель шайтанов отправился к другому купцу, но у того была всего одна жена. И вот появился там некий торговец, продававший красавицу-женщину с кожей кремово-белого цвета, стройную и высокую, но косоглазую. Говорили купцу приятели: «Не покупай ее, от этого не будет добра». А женщина, которую продавали, сказала: «Купи меня».

Самому купцу эта женщина приглянулась. Он купил ее, привел в дом, назначил казначеем и доверил ей все свои денежные дела. Когда женщина-казначей явилась к нему за распоряжениями, купец сказал: «Отправляйся к моей супруге». Та пошла к жене купца и спрашивает ее: «Ты своего мужа любишь? Ведь он – непорядочный человек. Я видела, как он в лавке забавлялся с какой-то молоденькой».

Супруга купца разъярилась на мужа и объявила: «Берегись, купец, я расправлюсь с тобой; у меня на примете уже есть молодой любовник!»

Купец распалился злобой на жену. Тогда женщина-казначей отправилась к ней и посоветовала: «Если ты, госпожа, любишь своего супруга, в полдень, когда муж ляжет почивать, возьми острую бритву и подкорооти ему бороду. Тогда он воспылет любовью к тебе».

Назавтра купец отправился почивать, и притом ему не терпелось узнать, что скрывает жена. Тут предводитель шайтанов появился рядом с его супругой, а женщина-казначей достала нож, какими бреют головы, и передала жене купца. Та собралась было сесть у изголовья мужа и подкоротить ему бороду, но тут купец почувствовал, что жена подобралась к его голове, взяла его одной рукой за бороду, а в другой держит нож, открыл глаза и решил: «Видно, она надумала зарезать меня». Вскочил купец, схватил крис²³ и пронзил жену, от чего она тотчас же скончалась. Поднялся переполох, разнеслась весть, что купец убил жену. Явились тут ее отец с матерью и родичи, налетели на купца и закололи его. Купец пал бездыханным рядом с женой, не оставив потомства, а все их добро досталось чужим людям. Так учит книга наставлений дьявола, и косоглазая пышногрудая девица хорошо усвоила эту науку.

Предводитель шайтанов и его спутник покинули этот край и прибыли в некий стольный град у моря, где правили братья – раджа Камиштур и раджа Камишкар. Их страна была и обширна, и многолюдна. У раджи Камиштура была красавица-дочь, к которой сватались многие раджи, но, к их неудовольствию, на предложения он отвечал отказом. В их числе было трое

²³ Крис – кинжал с обоюдоострым, извилистым лезвием.

могучих владык: первый – раджа Кишар Алам, второй – раджа Пекерма Дева и третий – раджа Усул Алам. Раджа Камиштур ответил отказом всем троим. Разгневанные, они вынуждены были удалиться, но дали Радже Камиштуру совет укрепить стены своего города и окружающие его рвы. Однако их слова остались без внимания.

Как-то раджа Камиштур задумал исполнить обет и совершить обряд поклонения глиняному идолу, огромному, словно брюхо у буйвола. При этом предполагались всяческие увеселения, в том числе игры с огнем. Праздник был в разгаре, шум не умолкал круглые сутки, а горящие фонари превратили ночь в день.

Явился тут предводитель шайтанов и иблисов со множеством своих отпрысков и сказал: «Вот и наша мечеть, здесь и помолимся». Затем предводитель шайтанов проник в рот идола, и тот громогласно возопил, так что слышно было по всему тому краю: «Эй, раджа Камиштур, вооружайся, ибо три страны уже идут на тебя войной. Однако с моей помощью тебе удастся одержать победу».

Идол замолк, а раджа Камиштур, его министры и витязи склонились перед ним, распростерлись по земле и начали молить о подмоге и о даровании победы над неприятелем. Тотчас же перед идолом выросла целая гора всяческих яств – ведь прежде идол никогда не открывал рта. Тут министр Джанг Маштери, подойдя к радже Камиштуру, сказал: «Думаю, государь, нам следует послать лазутчиков следить за приближением врага, о котором нам объявил наш Великий бог».

Молвил раджа Камиштур: «Верны твои слова, но один лишь Он вершит наши дела. На подготовку времени не осталось».

Министр отправил лазутчиков наблюдать за приближением войска. После их ухода раджа Камиштур построил большое, высокое здание, на которое и водрузили идола, а вокруг него поставили идолов меньшего размера. Все жители города собрались на поклонение истукану, и сам правитель остался там и не ушел к себе во дворец. Музыка продолжала греметь днем и ночью, так что под конец раджа Камиштур и думать забыл о призыве идола, а посланные им лазутчики попали в плен к наступающему противнику.

Началось наступление, которого раджа Камиштур не ожидал. Народ был встревожен. Одни говорили, что наступает неприятель, другие – что это люди стекаются на праздник с окраин государства. Наступление на город шло с запада. С юга явился раджа Пекерма Дева с несметным войском, и некоторые решили, что они прибыли для участия в увеселениях. Прибыло и войско раджи Усула Алама и воздвигло укрепления с восточной стороны.

Когда все четверо были готовы²⁴, загремели пушки, вселяя ужас в сердца слушающих, и с севера в веселящуюся толпу ворвался неприятель. В эту минуту предводитель шайтанов проник внутрь идола и заговорил его устами: «Эй, раджа Камиштур и все министры! Разве не ворвались сюда три войска? Выступайте навстречу – с моей помощью победа будет за вами».

Затем он умолк и больше не проронил ни слова. Раджа, министры и витязи, молившие идола о спасении, изумленно слушали его. Покинув капище, где стоял истукан, они побежали по домам, вооружились и поспешили к радже Камиштуру. А тот вместе с братом бегал по городу и приказывал

²⁴ О четвертой группе, атакующих с севера, подробнее говорится ниже.

запирать городские ворота. Все до единого дома, расположенные за городской стеной, были сожжены. Множество народа погибло и попало в плен.

Главных министров у раджи Камиштура было четверо. Одного звали Джанг Маштери, второго – Агам Джива Маштери, третьего – Амбелан Маштери, четвертого – Ланчанг Маштери. В их подчинении были еще два важных министра, на тех раджа Камиштур особенно полагался.

Когда министр Джанг Маштери увидел, как обстоит дело, он вместе с тремя остальными стали размышлять, как бы своими силами прорваться к государю. Вооружившись, они двинулись туда, но приблизиться к городу не смогли: враг был уже рядом, шел бой, и дома были охвачены пожаром. Бросились они к восточным воротам, проникли внутрь и забрались наверх к внешней стене, стали заряжать ружья и пушки, давать распоряжения воюющим. Внезапно обнаружилось, что раджа Камиштур с братом тоже там и командуют ратниками, заряжающими ружья и пушки. Уже настала ночь, но смятение не прекращалось. Шла орудийная стрельба, стоял неопишуемый грохот, и за пушечным дымом нельзя было различить тех, кто находился снаружи, под крепостной стеной.

Спрашивает министр Джанг Маштери: «Кто же это там, господин?» Молвил раджа Камишкар: «Не ведаю, чьи это люди. Пусть половина из вас останется в крепости, а вторая половина выйдет наружу, соберет отовсюду наших воинов и выяснит, что за правитель идет на нас войной».

Поклонились министры Агам Джива Маштери и Амбелан Маштери, сели на коней и выехали из крепости через восточные ворота, приказали снова запереть их и поставить у ворот вооруженную охрану, а сами отправились собирать рассеянные там и тут воинские силы.

Между тем, отряды трех раджей сошлись и, обуянные амоком²⁵, начали яростно сражаться между собой, потому что местные жители уже были перебиты или захвачены в плен, а их дома сожжены. Та же судьба постигла и капище идола, и сам он тоже сгорел, а пепел развеяло ветром.

Раджи, стоявшие во главе трех отрядов, не знали о сватовстве друг друга и теперь в одночасье двинулись войной на его город. Они полагали, что раджа Камиштур занят увеселениями и их примут за гостей на празднике. Им хотелось, чтобы свет ясного дня померк от залпов пушек, стоящих на стене крепости, и чтобы в отместку радже Камиштуру были уничтожены все сооружения, служащие для забав и увеселений.

Когда рассвело и воюющих стало видно яснее, они разошлись по своим лагерям. Тут раджа Кишар Алам послал узнать, что за раджи командовали теми двумя отрядами и из какой страны они явились. Воины рассказали, кто их раджи и почему они пришли сюда войной. Из их отрядов уцелела лишь часть: многие погибли. Трупы громоздились, словно горы, кровь разлилась морем. Сожженных домов было не счесть, от них осталось пустое место.

Днем раджа Камиштур велел не заряжать орудия и созвал военный совет с министрами и братом. Тут появился предводитель шайтанов, склонился к уху раджи Камиштура и с помощью заклинания внушил ему мысль обстрелять из пушек и сровнять с землей укрепление раджи Кишара Алама, выстроенное с запада.

²⁵ Амок – особый психический синдром: приступ неудержимой ярости, бешенства.

Так и сделали, ибо укрепление находилось вблизи города раджи Камиштура. Выказав это наставление, предводитель шайтанов отправился на север, в расположение раджи Усула Адама, у которого войска было не счесть, и сел рядом с ним. В то время раджа и его министры держали совет, каким образом сокрушить крепость раджи Камиштура. Предводитель шайтанов нашептал на ухо радже Усулу Аламу, чтобы тот сровнял с землей все пространство перед крепостью раджи Камиштура и с помощью пушек разрушил все постройки — и богатые дома, и лачуги.

Все свершилось в мгновение ока, никому не хотелось продолжать военные действия, а сам раджа Усул Алам не желал, чтобы принцесса досталась кому-то другому. Когда рассвело, два главных министра с остальными восемью министрами двинулись на укрепления трех раджей в полном вооружении, верхом на слонах или на боевых конях. Каждый отряд насчитывал десятки тысяч ратников. Десять визирей, подойдя к укреплению трех раджей, ринулись на их воинство. Те вступили в бой, не успев еще как следует вооружиться. Стоял невообразимый шум, звучали громкие крики.

Тут визирь Джанг Маштери обратился к радже Камштуру за разрешением изгнать врага, и тот дал согласие. Тогда двинулись на битву министры, витязи и прочие раджи в полном вооружении. Загремели барабаны, поднялись стяги в знак того, что раджа начинает битву. Воюющие ворвались в ряды ратников раджи Пекермы Девы, и отряды начали сражаться. За криками воюющих ничего не было слышно, и казалось, что уже настал Судный день. В пылу боя из-под ног слонов и лошадей поднялась пыль, из-за нее, а также из-за дыма от ружейных выстрелов нельзя было различить, кто есть кто. Ратники кололи друг друга, и многие воины двух лагерей пали бездыханными. Тела громоздились горой, кровь разлилась, словно река в паводок. Отрубленные головы валялись посреди бранного поля, словно упавшие с дерева кокосовые орехи, а распротертые тела лежали, как банановые стебли.

Затем воины отошли, чтобы сделать передышку, их место заняли новые отряды. Те, в свою очередь, время от времени отступали, чтобы передохнуть и заточить оружие, а затем снова были готовы к схватке. Бой возобновлялся, и ратники рубились, испуская пронзительные крики.

Во время сражения раджа Камиштур находился у себя в городе, у крепостной стены. В эту минуту предводитель шайтанов оказался поблизости от его дочери и ее матери и произнес заклинание. Тут захотелось им поглядеть на сражение, и мать предложила дочери подняться наверх и наблюдать за битвой через бойницы в дворцовой стене. Мать поднялась первой и стала звать дочь. Та со всех ног понеслась вверх по лестнице, но по пути поскользнулась, отпустила перила, свалилась с крепостной стены прямо на штык, пронзивший ей правый, а затем насквозь и левый глаз, и лишилась чувств. Левая нога сломалась, идти было невозможно.

Во дворце поднялся переполох, все говорили, что дочь раджи упала с крепостной стены, что глаза у нее выколоты, нога сломана, а сама она в обмороке. Мать бросилась вниз, усадила дочь себе на колени. Прибежал и государь. Громко рыдая, он вытащил лезвие из глаз дочери и стал прыскать розовой водой на обеих, ибо мать тоже потеряла сознание.

Весть об этом дошла и до воюющих. Дело шло к ночи, и они стали рыть подкоп в крепость раджи Кишара Алама, а затем подожгли ее. Так место, где

он укрывался, сгорело дотла. Что было делать? Все запасы съестного и воинского снаряжения погибли в пламени. Когда ночью ворвавшиеся в крепость люди предали огню все постройки внутри крепости, сопротивление было бесполезно.

Обессиленный раджа Камиштур понял это и поспешил спастись бегством вместе с дочерью и женой. Они побежали из города на восток, к дремучей чаще. А жители, видя, что город уничтожен пожаром, тоже покинули его и толпой устремились на восток.

Раджа Усул Алам метался здесь и там в боевом пылу, убивал тех, кто хотел совладать с огнем, и они сгорели вместе с крепостью, пока на ее месте не осталось лишь голое поле.

Еще до того, как все загорелось, раджа Камиштур сошелся в конном бою с раджей Пекермой Девой. Оба были вооружены копьями, которыми прекрасной владели. Министр Джанг Маштери и раджа Дикар Алам рубились на мечах, заслоняясь щитами. Министр Агам Джива Маштери бился на мечах с министром Турасом Аламом, а министр Лела Тенгара сражался с министром Кибаром Аламом. Все они были подлинными мастерами клинка. Из всех воюющих остались на месте лишь эти два раджи со своими восемью министрами.

А отряды раджи Кишара Алама подняли невероятный шум, потому что их министры Тебан Ментери, Аюнан Ментери и Сир Ментери попали в плен к радже Камиштуру и его министрам и доставлены связанными к стенам города, где их стерегли богатыри. Люди раджи Камиштура вопили во весь голос, и один лишь раджа Кишар Алам возносил боевой клич.

Радже Усулу Аламу бой пришелся по душе, а министры пали все до единого. Министр Маманг Сура дубинкой проломил голову министра Джана Путры, и мозг растекался по земле. Министр Лела Мененггара вонзил копье под ребро министру Сину Капуре, и тот испустил дух. Еще многое можно рассказать о битве между министрами.

К ночи пламя в крепости раджи Камиштура еще пылало, но защитников у нее уже не было. Участники битвы погибли, обе стороны понесли большие потери, пал и сам правитель страны. Трое раджей и их войска также были разбиты, им не досталось ничего. Вот как расправился предводитель шайтанов и иблисов над людьми, которые молились Всевышнему Аллаху ради получения благ земных.

* * *

Наконец предводитель шайтанов и его спутник прибыли в город на берегу моря и увидели большое парусное судно. Его капитана звали раджа Перингги Дева Молек. Предводитель шайтанов и его спутник явились к капитану, радже Перингги Деве Молеку, человеку лютого нрава, и открыли ему секрет, как с помощью волшебства завладеть всеми судами, плавающими по морю. Узнав этот секрет, Перингги Дева Молек ринулся захватывать без разбора все суда, большие и малые, целыми сотнями. Когда их набралось много, он двинулся на один из прибрежных городов, правителя которого звали Ширабирабаб²⁶. Было их четверо братьев, остальных звали раджа Мирабаб,

²⁶ Ниже он именуется Ширамирабаб

раджа Кендери Мирабаб и Пикрабаб. Их город был велик, хорошо укреплен, и жителей в нем было много.

Внезапно явилось войско раджи Перингги Девы Молека и без лишних разговоров пошло в наступление. Началась битва между морским и наземным отрядами. Городские укрепления были оснащены множеством пушек, стоял неописуемый грохот, воюющие испускали громкие крики, а дым от пушечных выстрелов застилал все вокруг. Немало лодок из числа принадлежащих радже Перингги Деве Молеку стали мишенью для пушек и потонули. Сражение было в разгаре, и тут раджа Кендери Мирабаб и раджа Пикрамирабаб²⁷ собрали все свои суда и, вооруженные до зубов, выплыли через устье одной из рек, налетели, словно ураган, и с воинственными криками окружили вражеские лодки. Те оказались в кольце и стали обороняться. Дым от ружейных выстрелов покрыл мраком место боя, и уже нельзя было отличить одного ратника от другого.

Тут раджа Перингги Дева Молек приказал, чтобы все его суда пристали к берегу. Богатыри и командиры выпрыгнули на сушу и обнажили клинки, готовясь к бою. Видя это, раджа Ширамирабаб, находившийся на берегу, приказал открыть огонь из ружей и пушек. Обрушившись дождем на вражеские лодки, он нанес огромный урон и судам Раджи Девы Молека, и их командам, и обратил их в прах, а прах унес ветер и поглотило море.

Видя гибель своих судов, раджа Перингги разгневался и уже не помышлял о смертельной опасности. Он выскочил на берег вместе со своими министрами и витязями, обнажил клинок и ринулся в бой. Заметил раджа Мирабаб, что раджа Перингги самолучно вышел на битву, и приказал министрам окружить его, а сам, пришпорив коня, вступил в схватку, разгоревшуюся не на шутку.

Раджа Пикрамирабаб с братом, приплыв из устья на судах, увидели это и поспешили высадиться на берег. Они окружили ратников Раджи Перингги, в яростном бою перебили большинство и многих взяли в плен. Вот что случается с людьми, предавшимися низким страстям по наущению шайтана. Отпрыски последнего ликовали и весело смеялись, а крови было пролито столько, что им с лихвой хватило напиться.

* * *

Затем предводитель шайтанов направился дальше по прибрежным городам. И вот прибыл он в страну, где правил раджа из числа не верующих в Аллаха, приверженный к спиртному. Тогда предводитель шайтанов с шейхом Абдуллахом явились во дворец раджи Пхра Онга Махавангсы и проникли в его опочивальню. Государь был погружен в сон, и они укрылись за краем его балдахина. Пробудился тот и потребовал принести ему чашу арака²⁸. Слуги принесли кувшин с араком и чашу и хотели было ее наполнить, но тут предводитель иблисов приподнял край одежды и помочился в чашу, так что мочи в ней оказалось больше, чем арака. Слуге поднесли чашу радже, и он опорожнил ее.

Тут шейх Абдуллах обратился к предводителю шайтанов с такими словами: «Да простит меня Всевышний, зачем же ты напоил этого раджу своей

²⁷ Ранее – Пикрабаб.

²⁸ Арак – рисовая водка

мочой?» Отвечает предводитель шайтанов: «А разве я не взял с тебя слово не спрашивать о том, что я проделываю со всеми смертными?» Говорит шейх Абдуллах: «Прежде я этого не спрашивал. Но это великий правитель целой страны. Негоже было тебе поить его мочой».

А раджа Пхра Онг Махавангса был крайне удивлен, слыша чью-то беседу у своего изголовья. Никого не было видно, звучали лишь голоса. Не умыв лица, он продолжал сидеть и слушать их разговор. А предводитель шайтанов разгневался на шейха Абдуллаха и объявил: «Коли ты сам такой умный, нам нужно расстаться». Выхватил он из рук шейха Абдуллаха его посох, нанес ему удар, а затем исчез из дворца, не оставив и следа. Теперь Шейх Абдуллах стал видимым для всех находившихся рядом.

Раджа окончательно пришел в чувство, взял шейха Абдуллаха за руку и спросил: «С кем ты сейчас вел речи, да и как вообще оказался в моей опочивальне? Судя по одежде, ты прибыл издалека. Кто провел тебя сюда? Ведь мои прислужницы еще спят».

Говорит шейх Абдуллах: «О государь, тот, с кем мы пререкались, – предводитель иблисов. Разве сейчас ты не пил арака? Так вот, в чаше был не арак, а моча». Выслушав шейха Абдуллаха, раджа усадил его рядом, у изголовья, и молвил: «Значит, я пил мочу Иблиса?» Говорит шейх Абдуллах: «Да, государь. Сам я уроженец Йемена, прибыл из Багдада, где живет мой наставник. А сюда меня доставил Иблис, ибо я хотел понять и увидеть все их сатанинские деяния. Мне вручили посох, сделавший меня невидимым для людей, и я мог наблюдать, что он творит со всеми смертными, на какие преступления их толкает. И вот теперь мы прибыли к тебе во дворец».

Говорит раджа Пхра Онг Махавангса: «А ведь Багдад далеко отсюда. Если верить путешественникам, туда морем три-четыре месяца пути». Говорит шейх Абдуллах государю: «А какую веру вы исповедуете здесь, в Кедахе?» Отвечает раджа Пхра Онг Махавангса: «Это вера наших далеких предков. Мы поклоняемся идолам».

Говорит шейх Абдуллах: «А разве не ведаешь ты, государь, что мы живем во время, когда исповедуется вера Мухаммада, пророка Аллаха последних времен. Мы и наши будущие единоверцы должны блюсти закон ислама, опираясь на Коран, ниспосланный в Мекке Всевышним Аллахом своему посланнику, пророку Мухаммаду, похороненному в Медине. А все прежние верования – ложь и заблуждения. Разве тебе не известно, государь, что неправильную веру послали шайтаны и иблисы, чтобы смущать людей?»

Молвил раджа Пхра Онг Махавангса: «Если так, помоги мне и всем нам и обучи истинной вере – исламу».

Услышав слова государя, шейх Абдуллах обнял его за шею и расцеловал, а затем уселся и взялся за дело. Он обучил того символу веры, звучащему так: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Одного Аллаха, нет ему сотоварища, и свидетельствую, что Мухаммад – раб Его и Посланец Его»²⁹.

Раджа Пхра Онг Махавангса произнес символ веры, а затем приказал вылить из кувшина весь арак до единой капли. Затем он повелел собрать всех идолов, имевшихся во дворце. Золотых, серебряных, фаянсовых и деревянных идолов в человеческом облике доставили к нему и свалили кучей. Шейх Абдуллах стал колотить их и рубить топориком и мечом, пока все они

²⁹ В тексте по-арабски: أَشْهَدُ أَنْ لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ وَأَشْهَدُ أَنَّ مُحَمَّدًا رَسُولُ اللَّهِ

не превратились в прах, а затем бросил в огонь. Затем Шейх Абдуллах объявил государю: «Собери-ка теперь сюда всех, кто ни есть в городе, старых и малых».

Государь призвал к себе всех жен и наложниц, и шейх Абдуллах обучил их символу веры и под конец обратил в ислам всех женщин города. Затем слуги внесли всевозможные яства, и государь с шейхом Абдуллахом откушали. Говорит шейх Абдуллах: «Пока я день и ночь скитался с шайтанами и иблисами, то не ел и не пил. Сколькo бы краев, лесов и полей мы ни прошли, я даже желания не имел отведать риса». Молвил государь: «А теперь мы можем поесть». И они откушали из общего блюда. Затем настал черед отведать бетеля, а затем им принесли прохладительные напитки. Тут шейх Абдуллах поведал государю и всем остальным о том, что случилось, пока он сопровождал шайтанов и иблисов. Рассказ пришелся по душе государю, они с супругой прониклись сердечной приязнью к шейху Абдуллаху и оценили его душевные качества. Затем, обратившись к государю, шейх Абдуллах молвил: «Не пойти ли нам в приемный зал и не созвать ли визирей и министров?»

Явившись в приемный зал, государь занял место на престоле, а шейх Абдуллах сел справа от него. Тут государь послал четверых слуг за четырьмя визирями, те с поклоном поспешили исполнить приказ и отправились за ними. Все четверо не замедлили явиться и с изумлением увидели, что по правую руку от государя восседает некий незнакомый шейх. Молвил тут раджа Пхра Онг Махавангса, обратившись к четырем визирям: «О братья мои, я позвал вас сюда [чтобы поведать следующее]: сегодня ранним утром, когда все еще почивали, у меня в спальне появились йеменец, шейх Абдуллах, а с ним шайтан-Иблис, которому нравится творить всяческие непотребство, и один вид его вселяет ужас. А вот этот господин остался в моей спальне и повелел, чтобы все жители Кедаха приняли исламскую веру, ниспосланную Всевышним Аллахом пророку Мухаммаду, его рабу и посланнику последних времен. Что вы четверо теперь мне скажете?»

Отвечают с поклоном четверо визирей: «Думается нам, это благое дело, и мы последуем за тобой. Ты узнал законы веры, и мы хотим, чтобы шейх преподавал их также и нам».

Тут шейх Абдуллах встал, подошел к визирям, обнял и поцеловал каждого, обучил их символу веры, и они произнесли эти слова. Затем шейх Абдуллах завел с ними беседу и сказал так: «Теперь, когда вы приняли закон ислама, прикажите созвать сюда всех – и воинов, и прочих жителей страны».

Четверо визирей распорядились собрать всех жителей страны. Шейх Абдуллах обучил их символу веры и попросил уничтожить всех идолов, а четверо визирей приказали исполнить эту просьбу. Затем шейх Абдуллах спросил у визирей: «А каково имя здешнего государя?» Отвечают четверо визирей: «Его зовут раджа Пхра Онг Махавангса».

Говорит тут шейх Абдуллах: «Коли так, пусть он примет имя на языке ислама, чтобы все мы могли его поминать на пятничной молитве в мечети».

Молвил раджа: «О братья мои, поступайте, как велит вам шейх Абдуллах. Все, что он говорит, согласуется с законом Аллаха и речениями пророка Мухаммада, содержащимся в Коране, поэтому вам надлежит слушаться его». Поклонились четверо министров: «Мы согласны, государь», а затем обратились к шейху Абдуллаху: «Нареки ему имя, а мы вместе со всеми жителями страны примем твой выбор».

Объявил тогда шейх Абдуллах: «Коли так, назовем его султаном Музалфал Шахом, так и будем его поминать в пятничной молитве и этим именем подписывать его послания, что будут направляться в другие страны. А имя «султан» упоминается в Коране как высочайшее и славнейшее в мире звание».

Радже Пхра Онг Махавангсе и четверым визириям имя это пришлось по душе. Молвил тут султан Музалфал Шах: «Скажи, господин, а каковы должны быть наши ежедневные занятия?» Говорит шейх Абдуллах: «Прежде всего следует соблюдать закон шариата. Перво-наперво необходимо построить мечеть в каждом округе, то есть кампунге или деревне, где не меньше сорока жителей, не принимая в расчет иноплеменников, детей, лиц, находящихся в долговом рабстве, и неверных – им нет места в мечети по пятницам. Следует также установить в нашем молитвенном здании – мечети – большой барабан. Раз в неделю с утра до полудня в него будут бить и призывать на пятничную молитву. Когда призыв на молитву закончится, все местные жители уже должны быть в мечети. Сие есть столп закона веры, шариата пророка Мухаммада, Посланника Аллаха, непреложный для его уммы, для всех тех, кто следует написанному в Коране. Тогда прославятся имена правителя сей страны и его визирей, соблюдающих установления Всевышнего Аллаха, а его обители станут подобием Каабы, что находится в Мекке и Медине».

Говорит султан Музалфал Шах: «Если так, господин, мы устроим все, как ты нам наказал». Затем он велел четверым министрам созвать старост всех кампунгов их страны для строительства мечети и поручил Шейху Абдуллаху обучать их закону шариата. Поклонились четверо министров и отправились исполнять приказ. Они попросили, чтобы шейх Абдуллах приходил каждый вечер к одному или другому из них и обучал его детей и жену. И шейх Абдуллах со всем усердием взялся за дело и наказал, чтобы они совершали молитву пять раз в день. По вечерам государь посылал за ним, и тот во дворце давал уроки чтения Корана. Люди изо всех кампунгов собирались, чтобы получить его благословение, и все жители страны преисполнились благочестия. Султан был счастлив видеть, что жители его страны поклоняются Всевышнему Аллаху. И кто бы ни являлся с подношениями к государю, Шейх Абдуллах не пропускал его, не обучив символу веры, не указав путь к истине, не научив пятикратной молитве, правилам о милостыне, о посте в Рамадан и выходе из него, пожертвованиям – золотом, серебром и пищей, тем, что растет, например, мерами риса, живностью, буйволами, коровами и козами в указанных количествах. Так велит закон веры Пророка Мухаммада, Посланника Аллаха, обязательный для всего сообщества мусульман и наполняющий радостью сердца всех новообращенных.

Литература

1. *Повесть о раджах Пасея*. Пер. с малайского, исследование, примеч. и прилож. Л. В. Горяевой. М.: Наука; Восточная литература, 2015. 190 с.
2. Hikayat Merong Mahawangsa. *Dikaji dan diperkenalkan oleh Siti Hawa Haji Salleh*. Kuala Lumpur : Terbitan bersama Yayasan Karyawan dan Penerbit Universiti Malaya, 1998; lxxii, 295, 113 p. [In Malay.]
3. *Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых : Антология классич. малайск. прозы*. Пер. с малайск., сост. и предисл. В. И. Брагинского. М.: Наука; 1982. 391 с.

4. Braginsky V. I. *The heritage of traditional Malay literature: A historical survey of genres, writings and literary views*. Leiden: KITLV Press; 2004. xiv, 890 p.

5. Руми Джалал ад-дин Мухаммад. *Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»): дафтар 2 (байты 1–3810)*. Пер. с перс. М.-Н. О. Османова. Общ. ред., коммент. и указ. О. М. Ястребовой. СПб.: Петербургское Востоковедение; 2009. 376 с.

6. *Памятники малайской книжности XV–XVII вв. : Повесть о победоносных Пандавах ; Бухари ал-Джаухари. Корона царей*. Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л. В. Горяевой. М.: Вост. лит.; 2011. 646 с.

7. Wormser P. *Le Bustan al-Salatin de Nuruddin ar-Raniri: Réflexions sur le rôle culturel d'un étranger dans le monde malais au XVIIIe siècle*. Paris: Cahier d'Archipe, 2012; 460 p.

8. Mohamed Yosri bim Mohamed Yong. Iblis Laqnat. Available from: <https://sumarno.wordpress.com/category/hikayat/>

9. Winstedt R. O. Notes on the History of Kedah. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1936;14(3):155–189.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, goriaeva@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена рецензентами 28.04.2022; принята к публикации 07.05.2022; опубликована 29.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. *The Kings of the Pasai Chronicle*. Translation from Malay, Research, Commentaries and Appendices by L.V. Goryaeva. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura Publishing House; 2015, 190 p. (In Russ.)

2. Hikayat Merong Mahawangsa. *Dikaji dan diperkenalkan oleh Siti Hawa Haji Salleh*. Kuala Lumpur : Terbitan bersama Yayasan Karyawan dan Penerbit Universiti Malaya; 1998. lxxii, 295, 113 p. [In Malay.]

3. *Tales of valiant, lovers and wise: Anthology of classical Malay prose*. Transl. from Malaysk, compiled and preface C. I. Braginsky. Moscow: Nauka; 1982. 391 p.

4. Braginsky V. I. *The heritage of traditional Malay literature: A historical survey of genres, writings and literary views*. Leiden: KITLV Press; 2004. xiv, 890 p.

5. Rumi Jalal ad-Din Muhammad. *Masnawi-yi ma'nawi ("Poem about the hidden meaning"): daftar 2 (bytes 1–3810)*. Transl. from Persian. M.-N. I. Osmanova. Ed. by O. M. Yastrebova. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies; 2009. 376 p. (In Russ.)

6. *Monuments of Malay Book Culture from 15th to 17th Century. The Story of the Victorious Pandawas ; Bukhari al-Jauhari. Crown of Sultans*. Tr. from Malay, Research, Notes and Indices by L. V. Goryaeva. Moscow, Vostochnaya Literatura Publishers; 2011. 646 p. (In Russ.)

7. Wormser P. *Le Bustan al-Salatin de Nuruddin ar-Raniri: Réflexions sur le rôle culturel d'un étranger dans le monde malais au XVIIe siècle*. Paris: Cahier d'Archipe; 2012. 460 p.

8. Mohamed Yosri bim Mohamed Yong. Iblis Laqnat. Available from: <https://sumarno.wordpress.com/category/hikayat/>

9. Winstedt R. O. Notes on the History of Kedah. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1936;14(3):155–189.

Information about the author

Liubov V. Goriaeva – Cand. Sci. (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, goriaeva@mail.ru

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 13.03.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 07.05.2022; published 29.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistika thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.